

«ЗАЧЕМ Я ВЫХОЖУ НА СЦЕНУ?»

...**К**ОНСТАНТИН Ванюшин бошел в комнату стремительно, сбросил с плеч зеленую стеганую пижаму, глубоко вздохнул и вытер платком пот со лба. Он был взволнован только что состоявшейся бурной сценой, криками отца и слезами своей любовницы. В его глазах еще играли беспокойные, тревожные искры, руки, слегка дрожащие, тянулись за папиросами, лежавшими на столике. Хотя столик был гримировальный, а комната — актерская уборная Александра Лазарева.

Он еще не вышел из образа, вокруг него еще атмосфера дома Ванюшина, где в каждом уголке дымится порох, готовый вспыхнуть скандалом, воплями, истериками, где чады и домочадцы богатого и несчастного провинциального русского купца прошлого века живут шумной и убогой жизнью.

Наша беседа с Александром Сергеевичем началась в антракте спектакля «Дети Ванюшина» в Театре имени Маяковского. На другой и третий день мы снова встретились, подолгу разговаривали, а передо мной, казалось, сидел то Виктор из «Ирнутской истории», то немецкий офицер Шеринг, перешедший на нашу сторону («Перебежчик»), то флотский офицер Часовников из «Океана», то Константин Ванюшин, а то Петр Мелузов из «Талантов и поклонников». И всякий раз я удивлялся тому, как зримо и осязаемо преобразуется артист, рассказывая о работе над образами, об отношении к ним и о требованиях, которые он предъявляет себе.

Как овладевает задачей Лазарев, как находит нужные ему реальные черты героя и постигает его душу, как формируется образ?

— Зачем я выхожу на сцену? Начнем с этого. — предлагает мой собеседник.

И все, о чем мы так долго говорили, было ответом на такой вопрос. Собственно говоря, на него должен ответить себе каждый актер, считающий сцену своим при-

званием, единственной миссией в жизни.

— По праву таланта, по праву гражданина, призванного служить своим искусством народу. — мог бы он дать ответ.

Он так не сказал, на котурны не становился, никаких тирад не произносил, но все, что рассказывал очень простыми словами, серьезно и прочувствованно, сводилось именно к его кредо.

Известна, казалось бы, давняя истина: задача актера — воплотить образ, созданный драматургом. Однако на свете существовало и существует столько шекспировских Гамлетов, сколько актеров, создающих образ. И столько же Отелло, Несчастливцевых, Счастливецевых, Заречных.

Что делает их разными? Актерская индивидуальность. Александр Лазарев — индивидуальность яркая, актер подлинно современный, выросший в школе Охлопкова. Если говорить об особенностях его дарования, надо прежде всего отметить: искатель, исследователь, человек жестких требований, предъявляемых к себе, — жить на сцене правдой, жить полностью, страстно, не ходить по обочинам, стремиться к сложному и крупному, быть бойцом в искусстве. Для этого и выходит он на сцену.

Мы часто говорим о правде, которая должна жить на сцене. Но правда возможна только тогда, когда актер играет самого себя в предлагаемых обстоятельствах и живет в спектакле, не пытаясь ничего нарочито изображать. Тогда и достигается магия перевоплощения, тогда, естественно, и рождается художественный образ. Те, кто видел Александра Лазарева в «Перебежчике», не могут не оценить правды, которой он достиг, хотя в роли немца Шеринга его ждала еще и дополнительная трудность: надо было раскрыть сущность характера, убедить зрителя, что перед ним действительно немец, говорящий по-русски с силь-

нейшим акцентом. Образ Шеринга исполнен подлинного драматизма.

А как достоверно, рельефно вылезли артист образ Константина Ванюшина, как «влез» в его шкуру! Не ставя задачу разоблачить своего героя впрямую, он гневно, остроно показал мещанина и мещанство во всей его гадости как явление, с которым мы призваны бороться и сегодня.

На днях мне довелось снова побывать на спектакле «Таланты и поклонники». Может быть, это и спорно, но, думается, что наиболее трудные мужские роли в пьесе — Петра Мелузова и помощника режиссера Нарокова (меня, надеюсь, не упрекут, если, уклонившись от темы, я воздам должное замечательному мастеру, недавно удостоенному ордена Ленина в день его семидесятилетия, — М. Штрауху; Нароков — одна из прекрасных его работ).

В Лазареве есть та сила духа и тот дар, которые позволяют ему ощущать себя сегодня Мелузовым, а завтра — сыном Ванюшина. Разные, ничем не похожие друг на друга, они несут на себе отпечаток личности артиста, чей горячий темперамент не рвется наружу, а силой воли сдерживается внутри, неизменно волнуя зрителей.

В театре им сыграно около тридцати ролей. Репетируется новая, которой Лазарев необыкновенно увлечен. Сервантес — Дон Кихот в пьесе «Человек из Ламанчи».

— Спектакль должен быть для нас необычным, — говорит актер, — в нем много пения, танцев, и мне придется немало петь и танцевать. Однако, конечно, главное — в той мысли, которая заложена в пьесе и которую мы должны воплотить на сцене: людям свойственно стремиться ко всему благородному и прекрасному, светлому и чистому, они жаждут утверждения на земле правды и справедливости, человечности, счастья.

Да, Лазарев щедро одарен природой. Далеко не все стороны его дарования раскрылись на сцене, хотя играет он много и успешно (снямался, и довольно удачно, в нескольких фильмах). Хочется думать, что в новом спектакле, который ставит главный режиссер Театра имени Маяковского А. Гончаров, мы с радостью обнаружим и новые грани таланта Лазарева, артиста, которому так близка поэзия наших дней.